

Александр Обухов,

член-корреспондент Петровской академии наук и искусств (СПб)

АВГУСТЕЙШИЙ СЫН ПОМОРА

Архангельского мужика Михаилу Ломоносова, ставшего учёным-энциклопедистом, и царя-реформатора Петра Великого связывает не только духовное родство.

История, которую я хочу рассказать, не даёт мне покоя уже добрых полтора десятка лет. А началось всё с разговора с доктором биологических наук Юрием Александровичем Вороновым. Так вот, разговорившись о месте русских людей в мировой науке, затронули мы личность великого учёного-энциклопедиста Михаила Васильевича Ломоносова. «А вы знаете, что он был сыном Петра Первого?» - спросил Воронов. Мне оставалось только пожать плечами: каких только исторических баек не приходилось слышать! Подтверждать свои слова фактами уважаемый учёный не стал, и вопрос к концу беседы сам собой растворился в воздухе. Но в голове моей уже пошла неподконтрольная работа: выглыбали из памяти исторические факты, выстраивались в логическую цепочку, которая систематизировала все «за» и «против».

Рассуждений «против» было больше. Ведь со школьной скамьи в качестве хрестоматийного примера негибимой воли и желания учиться нам преподносили образ Ломоносова, прошагавшего с рыбным обозом от Холмогор до Москвы. Однако годы рыночных

перемен подразвевали флёр этой романтической истории. Нынешние реалии, к сожалению, уже показали, что «мальчик

Миша» из далёкой глубинки просто не дойдёт до своей Славяно-греко-латинской академии. А что же тогда говорить о XVIII столетии, которое Александр Радищев назвал «чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаййяй»?

Эти логические рассуждения ещё более окрепли, когда я занялся поиском литературы о жизни и деятельности М. В. Ломоносова и вчитался в его труды. Оказалось, как это ни странно, что полное собрание сочинений светоча русской науки издавалось в XX веке всего один раз (в 1952 году) и давно уже стало библиографической редкостью. А ведь Ломоносов, как и А. С. Пушкин, - наше всё. А пушкинская традиция в поэзии берёт своё начало у Ломоносова, сделавшего русский язык более «удобоваримым» и убравшего из него значительную долю архаики. Чего стоят его знаменитые строки:

*О вы, которых ожидает
Отечество из недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовёт из стран чужих,
О ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом*

Ломоносов сочинил большое количество поэтических произведений, воспевавших императоров и императриц, но кому бы ни посвящалась ода, он всегда переключал внимание на Петра I.

Российская земля рождать!

Я перелопатил горы исторической литературы, но найти прямые подтверждения тому, что в жилах Ломоносова текла не «мужицкая» кровь, не удалось. Да и кто такие факты будет доверять бумаге? Но вот что интересно.

Один из величайших знатоков русской истории Сергей Соловьёв создал в XIX веке многотомную «Историю России с древнейших времён». Это уникальный свод фактов и фактиков, не потерявший своего значения до нашего времени. Ни одна мельчайшая подробность русской истории не прошла мимо пера этого автора. Однако когда речь заходит о великом русском учёном, то вместо фактов его биографии возникает какая-то эпическая картина: «Нам не известно время рождения отца русской науки и литературы. Очень может быть, что он и сам с точностью не мог определить этого времени, но нам известно место его рождения: поморская или беломорская страна, пустынная, холодная, но прилежавшая к морю, которое принадлежало Европе, на котором появлялся европейский корабль. Сюда явился очень скоро молодой преобразователь, жаждавший моря: эта страна впервые почувствовала прикосновение его сильной руки... Кто-то сильный, необыкновенный явился, пришёл, оставил неизгладимые следы, поразил воображение... Под таким впечатлением... воспитывался одарённый великой духовною силой сын холмогорского рыбака».

Ну что ж, уже теплее! Думаю, знаменитый историк вряд ли не знал известных фактов из жизни юного Михаила Ломоносова, но сознательно закамouflировал своё собственное отношение к тайне его появления на свет.

А в трудах самого Ломоносова можно ли что-то почерпнуть для ответа на поставленный вопрос? Отчасти да. Ломоносов сочинил большое количество поэтических произведений, воспевавших императоров и императриц (Анну Ио-

Пётр I. Мозаика Михаила Ломоносова. 1754 г.

Михаил Ломоносов. Неизвестный художник. Вторая половина XVIII века

анновну, Иоанна Антоновича, Елизавету, Петра III, Екатерину II), но кому бы ни посвящалась ода, он всегда переключал внимание на Петра I. Написанное в 1755 году «Слово похвальное блаженной памяти государя императора Петра Великого» заканчивается словами (сохранён язык оригинала): «Я в поле меж огнем, я в судных заседаниях меж трудными рассуждениями, я в розных художествах между многоразличными махинами, я при строении городов, пристаней, каналов, между бесчисленным народом множеством, я меж стенаньем валов Белого, Черного, Балтийского, Каспийского моря и самого Океана духом обращаюсь. Везде Петра Великого вижу в поте, в пыли, в дыму, в пламени - я не могу себя уверить, что один везде Пётр, не многие, и не краткая жизнь, но лет тысяча... Иной был на земле воин, но боялся моря. Иной на море господствовал, но к земле пристать страшился. Иной любил науки, но боял-

ся обнажённой шпаги. Иной ни железа, ни воды, ни огня не боялся, но не имел разума. Кому же я героя нашего уподоблю? Ведь по сравнению с ним все великие герои истории малы. Петра можно уподобить только Богу. Ежели человеку, Богу подобнаго, по нашему понятию, найти надобно, кроме Петра Великого не обретаю».

Конечно, этих слов недостаточно, чтобы утверждать, что Ломоносов питал к венценосному самодержцу ещё и сыновьи чувства, и всё же...

Современники отмечали чисто внешнее сходство этих великих людей. Известно, что многочисленные портреты Ломоносова основываются на четырёх прижизненных его изображениях. Это гравюры Э. Дессара (1757) и Х. Вортмана (1758), а также два портрета художника Г. Преннера. Так вот, если сравнить их с изображениями Петра I в зрелые годы, то сходство обнаруживается удивитель-

ное. Кроме того, Ломоносов имел телосложение, напоминающее Петра: тот же высокий рост, полнощёкий, румяный, узкокостный, с тонкими ногами и маленькими ступнями. Темперамент имел такой же взрывной, о чём пишет Соловьёв, почему-то (?) сравнивая с Петром I: «Отсутствие благовоспитанности в Петре могло резко броситься в глаза людям из высшего западного общества, и особенно женщинам, которые и оставили нам отзывы об этой неблаговоспитанности вместе с отзывами о необыкновенных достоинствах царя. Что же касается Ломоносова, то в тех кругах, в которых он находился за границей, его несдержанность, его богатырские замашки могли поражать...» Известно, что Пётр I мог за нерадение поколотить палкой своих «птенцов», и Ломоносов использовал такой же «аргумент» в спорах с иноземными профессорами Трескотом, Винсгеймом и другими, и это сходило ему с рук.

И всё же суть этих совпадений мне объяснила легенда, на которую я наткнулся в своих длительных поисках. Согласно этой истории, передающейся из поколения в поколение у поморов-старообрядцев (кстати, её факты частично подтверждаются документами), дело обстояло так. Как известно, Пётр I не имел сына, который продолжил бы его дело. Отрицательно настроенный к нововведениям отца царевич Алексей не в счёт. Своим приближённым самодержец неоднократно говорил: «Пусть любая красавица родит мне сына - сразу сделаю царицей».

Вот почему Екатерина (Марта Скаврнская), рожавшая царю только дочерей, с большим нетерпением ждала свадьбы для упрочения своего положения. В 1712 году свадьба состоялась. Но за год до этого Петра I, отдыхавшего в Усть-Тосно, архангельский купец-старообрядец Федот Баженин и двинский земский староста Лука Ломоносов познакомили с красавицей сиротой Еленой Сиваковой.

Не вдаваясь в историю раскола и старообрядчества на Руси, истоки которого восходят ко временам правления отца Петра I и патриарха Никона, замечу, что Пётр I лояльно относился к старообрядцам, хотя последние видели в нём чуть ли не антихриста. Об этом свидетельствует следующий факт. Однажды Пётр спросил у своего окружения: «Какковы купцы из раскольников, честны ли и прилежны ли?» Когда ему ответили, что честны и прилежны, он сказал: «Если

они подлинно таковы, то по мне пусть веруют, чему хотят, и когда уже нельзя их обратить от суеверия рассудком, то, конечно, не пособит ни огонь, ни меч; а мучениками за глупость быть - ни они той чести не достойны, ни государство пользы иметь не будет». Когда же в 1702 году среди раскольников, живших в ските на реке Выг, разнёсся слух, что через эти места из Архангельска с войском идёт Пётр I, старообрядцы, испугавшись, стали готовиться к самосожжению. Пётр I сказал всего одну фразу:

«Пусть живут спокойно». (Забегая вперёд, скажу, что именно в раскольниковом монастыре на реке Выг в 1722 году обучался грамоте Михайло Ломоносов.)

Все эти факты свидетельствуют о том, что контакты Петра I с купцами-старообрядцами были возможны. На что рассчитывали поморы, сводя красавицу Елену с Петром? Вероятно, на то же, на что рассчитывал сам Пётр, то есть на рождение мальчика, который, глядишь, и станет царём. Да не просто царём, а царём-старообрядцем, желающим утвердить в государстве их веру.

Вскоре, согласно легенде, по личному указанию Петра I Елена была повенчана с другим сиротой - Василием Дорофеевым, который приходился племянником Луке Ломоносову. Царь повелел Василию носить фамилию Ломоносов, а в случае рождения мальчика дать ему имя Михаил в честь деда Петра. При этом в приданое Елене была дана крупная сумма, и она должна была под надзором Луки Ломоносова хранить государеву тайну.

С рождением Михайлы семье были отведены хорошие земельные угодья и поступила дополнительная денежная помощь из казны. Далее события развивались следующим образом. Во время обучения мальчика в старообрядческой школе на реке Выг умерла его мать и унесла тайну рождения сына с собой в могилу. Сам же Пётр I предчувствовал свой уход и для того, чтобы пресечь поползновения старообрядцев, 7 мая 1724 года короновал Екатерину Алексеевну. Но на смертном одре Пётр якобы поведал главе Синода Феофану Прокоповичу, своему единомышленнику, о существовании внебрачного сына и повелел: «Обучи, владыка, его в московских школах и приобщи его к сану священника или государственного служащего, на что он будет способен».

В 1730 году Михайлу Ломоносова по велению Феофана Прокоповича увезли в Сийский монастырь, а затем по зимней санной дороге доставили в Москву. В феврале 1731-го он был зачислен в школу

при Заиконоспасском монастыре. До 1736 года (до смерти Феофана Прокоповича) был ведом рукою сподвижника Петра I будущий русский гений. Прокопович же отправил Ломоносова от Петербургской академии наук для обучения за границу.

А незадолго до смерти открыл он тайну рождения Ломоносова дочери Петра I Елизавете, так что будущая императрица знала о своём сводном брате. Вот почему после возвращения в Россию Ломоносов был произведён в адъюнкты академии, а затем ему было присвоено звание профессора. В 1753 году Ломоносову было пожаловано дворянство и даровано в Копорском уезде Петербургской губернии 9000 десятин земли с четырьмя деревнями и 212 душами крестьян. В этих местах (деревня Рудица в 24 верстах за Ораниенбаумом) великий учёный открыл первую в России фабрику по производству мозаичной плитки, построил метеорологическую обсерваторию и проводил ботанические исследования.

Историк Николай Непомнящий в книге «Тайны ушедших веков» высказал предположение, что к ранней смерти М. В. Ломоносова (4 апреля 1765 года) приложила руку Екатерина II, узнавшая тайну его рождения. Якобы на поминальном обеде по случаю кончины императрицы Елизаветы Петровны в тарелки супругам Ломоносовым подсыпали медленно действующий яд. После этого учёный не мог ходить, и жена его еле передвигалась. Летом 1764-го Екатерина II навестила больного, чтобы воочию убедиться в том, что он не идёт на поправку.

Фантазия автора? Возможно, если бы не известные факты, имевшие место в екатерининскую эпоху. Императрица методично убирала со своего пути всех легитимных и нелегитимных соперников: супруга Петра III, княжну Тараканову, Ивана Антоновича, принудила Алексея Разумовского, тайно обвенчавшегося с императрицей Елизаветой Петровной, сжечь документы, свидетельствовавшие об их браке. Понятно, что в XVIII веке и в XIX писать о тайне рождения М. В. Ломоносова было просто-напросто нельзя. Да и в XX веке копание в его биографии тоже не приветствовалось...